

Александр Маренин

*Заметки
и
отдельные воспоминания*

ЛитРес:
Москва

12+

Александр Маренин
**Заметки и отдельные
воспоминания**

«Автор»

2020

Маренин А. В.

Заметки и отдельные воспоминания / А. В. Маренин — «Автор»,
2020

ISBN 978-5-532-91972-3

Книга воспоминаний о детском возрасте, когда формируется отношение к будущей жизни и профессии, а также некоторые заметки из взрослого мира.

ISBN 978-5-532-91972-3

© Маренин А. В., 2020
© Автор, 2020

Александр Маренин

Заметки и отдельные воспоминания

Хотите – верьте, хотите – нет, но у меня большой жизненный опыт. Когда я произношу эту фразу, поучая своих взрослых детей, – они почти всегда начинают веселиться, несмотря на мое нравоучение. Они знают, что взрослым родителей слушаться необязательно, как и то, что решения лучше принимать им самим, вместе с тем и отвечать за эти решения. Также понимают, что родители обязаны выразить свое отношение к их действиям. Здесь ключевые слова: «отвечать» и «выразить». Отвечать – это неотъемлемая часть самостоятельности, а передавать опыт – обязанность каждого нормального человека.

Я, как и моя супруга, по-видимому, большие романтики. Всегда были готовы активно подключаться к чему-либо настоящему, уважаемому, знаковому. Наши дети видели это – и, по-моему, получились неплохими.

Мне, считаю, повезло – я с детства с уважением относился к своим родителям, но, как мне кажется, почти их не слушался. Вернее мне позволяли не слушаться. А еще точнее – прислушивались к моему мнению зачастую соглашались с ним. Я говорю повезло, потому, что не слушаться – это голубая мечта всех детей. Мне практически было разрешено все, ну а я откуда-то знал, что мне запрещено, но уверен, что не только от них. Теперь их уже нет, но я благодарен им, что они мало воспитывали словами, но больше – своим примером и жизненной позицией. Не знаю, какое мнение на этот счет имеют мои старшая и младшая сестры, но мне кажется именно так.

Я никогда ничего у родителей не просил и редко спрашивал разрешение на что-либо. Они многого о моих делах и не знали. Много читал и возгорался в будущем быть участником интересной жизни. Книги были настоящие. Например, прочитанная в третьем классе книга «Небо войны» Покрышкина Александра Ивановича напрочь меня покорила – и я заболел авиацией, начал клеить из бумаги модели самолетов и твердо решил стать военным летчиком.

Забегая вперед, скажу, что военным летчиком мне стать было не суждено. Именно не суждено, поскольку как ни отговаривали меня родители от этой, с моей точки зрения, интересной профессии, а с их точки зрения – опасной, я по окончании школы подал документы в Харьковское высшее военное авиационное училище летчиков. Завернули меня на медицинской комиссии, обнаружив следы недавно перенесенной ангины. Гланды пришлось удалять немедленно, но последующая военно-медицинская комиссия предложила выбрать другое военное училище, кроме летного. Я переоформил документы в Казанское высшее Краснознаменное командное танковое училище. В связи с этой заминкой попал во второй поток кандидатов, на вступительных экзаменах набрал неплохой бал, но весь поток из шестидесяти человек «пролетел» (за исключением троих, в число которых я не попал). Это произошло из-за неожиданно большого количества суворовцев, в последний момент пожелавших стать танкистами. Экзамены их не касались.

Неудача тем же летом вернула меня в авиацию, однако уже не в летный, а в инженерно-технический состав. Далее так сложилось, что служить пришлось не только в авиации. Работа и служба доставляли мне большое удовольствие и никак не тяготили, а наоборот, вызывали приятное ощущение причастности к самой сильной, справедливой и легендарной армии мира. Повезло принимать активное участие в создании и эксплуатации крупнейших объектов обороны в разных местах Советского Союза. Самое главное счастье состояло в том, что моя семья была мне крепким тылом и разделяла со мной радости и тяготы этой жизни.

В том, что меня из всего окружающего влекла исключительно военная тема, – нет никакого секрета. Я родился в семье военного в Алма-Атинском военном училище, выпускавшем десантников. Позже это училище было перебазировано в город Рязань. Когда я познакомился

с книгой Покрышкина, меня окружала атмосфера прославленной 12^{-й} гвардейской Уманьской ордена Ленина Краснознаменной ордена Суворова танковой дивизии, прошедшей от Сталинграда до Берлина, дислоцирующейся в шестидесяти километрах от того самого Берлина в городе Нойруппин. Нам, мальчишкам, везде был доступ, во все полки, солдатские клубы, полигоны, спортплощадки. Мы видели со всех сторон и боевую работу, и армейскую рутину. В кого как, но в меня это крепко впиталось. Тогда, мальчишкой, я ловил себя на мысли постоянной причастности к чему-то значимому.

Помню Карибский кризис 1962 года и боевую работу в 48^{-м} гвардейском Вапнярско-Варшавском ордена Ленина Краснознаменном ордена Суворова и Кутузова танковом полку, в котором тогда служил мой отец. Мы, мальчишки, казалось, тоже были участниками тех событий. Смотрели, как готовили боевые машины, видели как загружают в них боекомплекты и отправляются на боевые позиции. Крутились между военными, и нас никто не гонял. Теми ночами мы оставались в домах с матерями. Баррикадировали входные двери, подпирая их нехитрой казенной мебелью, спинками и сетками кроватей, поскольку поступали угрозы и имелись случаи нападения на семьи военных. Мужики дома не ночевали, были круглосуточно в полной боевой готовности. Полк стоял в двух километрах северо-восточнее города Нойруппин на окраине города Альтруппин, рядом был небольшой жилой городок для семей военнослужащих, огороженный дощатым забором и состоящий из нескольких разной этажности домов.

Поначалу семьи готовили к эвакуации в Союз. Эвакуацию планировали через Чехословакию. Через Польшу ближе, однако там было беспокойно. Мы было уже начали сушить сухари, но все закончилось и, что самое главное, быстро исчезли угрозы со стороны наиболее одаренных немцев. Стало возможным ходить и ездить куда угодно, что не в первый и не в последний раз подтвердило ничтожность продажных, злых и безмозглых людей, которые только во времена нестабильности способны реализовать свои скудные таланты.

Вскоре мы переехали в двухэтажный дом, расположенный на территории штаба дивизии в городе Нойруппин на Карл-Либкхнет штрассе. Это был практически центр города. Тут для нас, пацанов, кто жил рядом, был просто рай. Город был небольшой, но очень уютный с достаточно древней историей, на берегу озера Руппинер-зее. Здесь пролетело пять лет моего и моей младшей сестры детства.

По одну сторону от территории штаба дивизии располагался 200^{-й} гвардейский Фастовский ордена Ленина Краснознаменный ордена Суворова и Богдана Хмельницкого мотострелковый полк, его территория выходила на озеро. Между территорией штаба дивизии и мотострелковым полком находился небольшой молокозавод, из ворот которого постоянно вытекала бело-прозрачная жидкость и шел специфический кисловатый запах. К молокозаводу постоянно подъезжали и отъезжали грузовые машины с kloкочущими двигателями, что явно отличалось от ровно гудящих наших ГАЗов и ЗИЛов, а также от ровно рычащих дизельных двигателей наших боевых машин.

По другую сторону на Фербелинерштрассе дислоцировался 75^{-й} гвардейский зенитно-ракетный Демблинско-Померанский ордена Суворова и Кутузова полк.

Я намеренно воспроизвожу полные наименования частей, поскольку тогда в наших головах витали их боевые пути, а большинство офицеров были участниками Великой Отечественной войны. Они мало что рассказывали, однако мы видели их работу.

На стрелке Фербелинерштрассе и Юнкерштрассе стоял двухэтажный дом, который занимал пятый магазин военторга. В трехстах метрах от магазина на Юнкерштрассе находилась школа №29 Группы Советский войск в Германии. Также от военторга начиналась центральная улица города Карл-Маркс штрассе. С другой стороны километра через полтора она упиралась в дивизионный Дом офицеров. Далее дорога шла на город Альтруппин, на окраине которого дислоцировались 3 танковых полка: 353^{-й} гвардейский Вапнярско-Берлинский ордена Суво-

рова и Кутузова танковый полк, 332^{-й} гвардейский Варшавский Краснознаменный ордена А. Невского танковый полк и уже ранее упоминавшийся 48^{-й} танковый полк.

На северо-запад в километре от Дома офицеров дислоцировался 730^{-й} авиационный полк истребителей-бомбардировщиков.

Рядом с каждым полком имелись жилые городки для офицеров и их семей. Я не помню, чтобы мы знали чьи-то адреса. Если надо было сказать, где ты живешь, то говорилось, например: «в хозяйстве Колесникова» (называлась фамилия командира). Да и адреса были ни к чему, поскольку почта приходила в воинскую часть. Сами воинские части имели условное наименование, например, не в/ч 48440, как в Союзе, а п/п 48440, т.е. полевая почта 48440. Полные наименования воинских частей являлись секретными, их можно было услышать только в служебной обстановке или на торжественном мероприятии на территории части, прочитать на развернутом боевом знамени или увидеть в комнате боевой славы.

Также семьи проживали и в отдаленно стоящих от гарнизонов домах. Такие дома называли, например, «Центральная гостиница» (вблизи медсанбата, располагавшегося в западной части города) или «Промежуточная гостиница» (вблизи Дома офицеров).

Все постройки, в которых располагался наш гарнизон, – большей частью наследие Фридриха Великого. Эти кирпичные здания капитальной помпезной немецкой архитектуры во все времена использовались под гарнизоны, за исключением постсоветского времени. Сейчас там гражданские учреждения, заборы разобрали, но называются эти районы в народе по-прежнему «Garrison».

Таким образом я перечислил места, где мы, пацаны, проводили свободное от школы время, не считая самого города, пригородных лесов, прекрасного озера с рыбалкой и купанием.

Территории воинских частей, как я уже отмечал, не были для нас закрыты, однако был случай, связанный с карантином из-за гриппа. Мы с моим другом Сергеем Фотиным пришли на КПП зенитного полка, чтобы пройти в клуб. Дежурный по КПП сказал, что нельзя, карантин. Тогда мы отошли от КПП метров на сто и перелезли через забор. Как и полагается по закону жанра, в десяти метрах от нашего приземления стоял дежурный по полку и с ним солдат. Пока мы соображали, они нас схватили и повели в сторону КПП. Несмотря на то, что дежурный прямо сказал, что это нам так просто не пройдет, мы думали, что они нас просто выгонят с территории части и все. Однако рядом с КПП находилась гарнизонная гауптвахта – и нас завернули в ее двери. Дежурным по полку был молодой лейтенант, и, по-видимому, он решил нас поугубить. На гауптвахте дежурным по караулам тоже был молодой лейтенант, и он, похоже, тоже был не прочь проучить нас, как лазить через забор в боевую часть. Он сказал: будете сидеть, пока не придет начальник гауптвахты, а тот еще добавит нам недели две. Отвел нас в камеру и приказал часовому строго за нами приглядывать. Тот и правда периодически открывал глазок в двери и рассказывал, как нас будут наказывать и сколько нам тут сидеть.

Гауптвахта строилась еще при Фридрихе в XVIII веке именно как гауптвахта, т.е. все было классически – и планировка, и оснащение внутри камер. Эта была моя первая встреча с такой классикой воинского наказания и последняя, поскольку, забегая вперед, за всю мою последующую службу в разных местах Советского Союза встречался только с переделанными для этой цели помещениями. За исключением, может быть, гауптвахты Московского гарнизона, где сидел Берия (видел его камеру) и которая также является жалким подобием нашего с Сергеем временного пристанища. Не подумайте плохого, я много чего видел, но сидел «на губе» только один раз. И то в детстве.

Мы развернули пристегнутую к стене шконку, сели на нее. У Сергея в кармане был металлический шарик. Шарик различных размеров продавались везде, у немцев большинство игр связаны с катанием шариков. Мы начали перекатывать этот шарик по шконке. Через некоторое время открывается дверь, заходит выводящий, отбирает шарик и разводит нас по разным

камерам, вернее уводит меня в другую камеру. Часовой продолжает рассказывать страшилки, подглядывая в глазок. Не знаю как Сергей, но я тут немного загрустил и представил, что будет, если я завтра не смогу прийти в школу. Почему-то о родителях, которые будут волноваться, куда пропал их сын, я, по-моему, не переживал. Через какое-то время нас с Сергеем опять соединили – в карауле скука известная, а тут какое-никакое развлечение.

Было уже совсем недалеко до полуночи, и, наконец, пришел начальник гауптвахты. Это был старший лейтенант. Его, наверное, вызвали, поскольку что ему тут делать на ночь глядя. Он и вправду был зол. Перед тем, как он нас обругал, мы слышали, как и другим досталось. А поскольку он уже давно не лейтенант и давно вышел из детского возраста, то нас он просто выгнал на свободу. Не знаю, как Сергей, но я родителям ничего об этом говорить не стал. Он, наверное, тоже не стал, поскольку эта тема у нас в разговорах не возникала. Наши родители дружили и частенько собирались по торжественным и другим случаям.

Отец Сергея был начальником танкового полигона, заядлым охотником, делавшим со своей супругой из добычи очень вкусную колбасу, умел показывать фокусы с картами. Карты у него в руках ловко появлялись ниоткуда и так же исчезали. Как-то Сергей пообещал достать через него для меня трубчатый порох. Мы с другим моим приятелем, тоже Сергеем, но Шамовым, на тот момент смастерили ракету из плотного картона, обклеили ее изнутри и снаружи металлической фольгой и были уверены, что она долетит до Луны. И не просто долетит, а долетит с котом Барсиком, для которого сделали отдельный отсек в верхней части ракеты. Дело оставалось за трубчатым порохом.

Слава Богу, что с порохом, тем более в таком количестве, ничего не вышло, в противном случае я бы сейчас ничего не писал, а кот бы не стащил у матери мясо, из которого она собиралась сделать пельмени и не отдали бы его за это на полигон к Сережкиному отцу.

Порох я все же нашел. Ковыряя палкой землю у отместки дома, где мы проживали, наткнулся на пистолетный патрон, поковырял дальше и выкопал их больше сотни. Из части патронов мы с Шамовым вытащили пули, высыпали порох и подожгли. Удовольствия мало. Тогда разожгли костер и бросили туда несколько патронов, отойдя подальше, чтобы пуля или гильза не попали по лбу. Патроны взорвались, но эффекта не вышло. Костер даже не шелохнулся. Куда интереснее закладывать в костер каштаны. Те взрываются, как бомбы, раскидывают дрова, вздыбливают горящую золу, а если в темноте, то это подобно фейерверку.

В фейерверках и вообще в игре с огнем немцы толк знали, однако на мелочи не разменивались, любили зрелище. Так, например, перед Новым годом 30 декабря на площади Schulplatz в магазине у Шмидта, что тогда был слева за фонтаном, можно было купить пиротехнику (по две ракеты и по две коробки петард в руки). Ровно в полночь на Новый год жители выходят и разом запускают в небо всю ранее приобретенную пиротехнику, взрывают петарды. Это продолжается не более десяти минут, но эффект того стоит. После этого тихо, как и до того.

Даже в наших русских головах редко возникала мысль погреметь, когда нам вздумается. Как правило, мы, несмотря на то, что встречали Новый год по московскому времени, тратили запасы пиротехники вместе с немцами. Были, конечно, и исключения. Однажды мы с друзьями после встречи Нового года по московскому времени (с лимонадом) отправились в центр города и стали бросать петарды на балконы немцев, а те выбегали и кидали с балконов свои петарды в нас. Кончилось это тем, что, навеселившись, мы пошли в комендатуру, при которой была пара жилых домов для семей офицеров и где в тот раз вскладчину отмечали праздник наши родители. На входе нам встретился солдат комендантского взвода, он увидел в руке одного из нас ракету, отнял, поджег – и получился фейерверк. Хозяин ракеты страшно обиделся, убежал домой и какое-то время переживал.

Другой раз после всеобщего шоу мы в компании моих родителей и их друзей прогуливались по пустынному городу (немцы не любят попусту гулять – сделали дело и домой). У

одного из них был армейский взрывпакет. Он его бросил на брусчатку Карл-Маркс штрассе. Городской каменный мешок многократно усилил эффект, на мгновение мы все оглохли.

За остальные случаи не скажу – это уже было не со мной.

Еще одна игра с огнем – это факельные шествия. В ГДР на их государственный праздник 7 октября посреди центральной площади города складывали пирамиду для костра из различных деревянных предметов. Вечером на северо-восточной окраине города формировали колонну. Участвовать мог каждый, тут же купив стандартный факел, представляющий собой полуметровый деревянный черенок, на треть которого насажена армированная черная прорезиненная трубка. Прибывших полицейские выстраивали в колонну, выходить со своего места никто не имел права, за этим следили. Факел разрешалось зажигать только в колонне перед движением, разжигался он долго, однако горящий потушить было уже невозможно. Колонна двигалась по центральной улице до площади. Я два раза участвовал. Первый раз, когда дошел до костра и остановился на мгновение, тут же возник полицейский, вырвал у меня факел и бросил его в костер. Оказывается надо было это сделать не мешкая. Во второй раз я это уже сделал как надо.

Та самая площадь, на которой только что полыхал костер, представляла собой квадрат с вытоптаным земляным покрытием размером приблизительно 100 м на 100 м. Одну сторону ее ограничивала центральная улица Карл-Маркс штрассе, другие три – второстепенные улицы длиной не более 3 или 4 кварталов. Застройка вокруг площади состояла из двухэтажных жилых домов. На первых этажах находились магазины, разные другие заведения и фотография, в которой мы каждый год перед летними каникулами фотографировались всем классом. У немцев первые этажи не принято было использовать под жилье, да и назывался он не первый этаж, а *Erdtgrunde*. Второй этаж имел нумерацию, как у нас первый.

Площадь использовалась и под другие общегородские мероприятия. Часто на ней разворачивались кочующие по городам цирки, зверинцы, передвижные аттракционы или, как мы их называли, карусели. Самым крупным событием было разворачивание Луна-парка, как бы сейчас сказали, в конце октября каждого года. Это всегда совпадало с нашим празднованием Дня Великой Октябрьской социалистической революции. Обязательно строилась американская горка, множество различных каруселей, из которых самой популярной была «Танцующая пара», поскольку посредине аттракциона стояла скульптура мужчины и женщины, слившихся в танце. На круглой платформе, постоянно меняющей угол наклона, с бешеной скоростью крутились тележки с веселившимися гражданами, одновременно еще и вращающимися вокруг собственной оси.

Чертово колесо было гораздо меньших размеров, чем привычное нам колесо обозрения, но крутилось оно быстро и не на один оборот.

Комната страха, где на вагонетке тебя возят по темным закоулкам, пугают скелетами и другими страшными персонажами. Непременно выстраивалась американская горка, различные лотереи с розыгрышем призов, тир с стрельбой с четырех метров из пневматического ружья по нанизанным на металлические штыри гипсовым макаронинам. На определенном количестве макаронин вывешивались призы, часто достаточно необходимые в хозяйстве. Чем ценнее приз, тем больше макаронин надо разрушить, однако при удачной стрельбе разбить одну удавалось не менее чем двумя выстрелами. Все зависело от меткости. Нередко замечали, как некоторые хитрые хозяева сотрясают прилавок в нужный момент, толи шутя, толи из жадности. Кто их, немцев, поймет? Известно, что немцы любят шутки делать, а русские – большей частью рассказывать.

Однажды, будучи в компании своих сверстников, я отстрелялся на зависть даже самому себе. На следующий день ребята скинулись и доверили мне настрелять для них нужных безделушек. В основном спрос был на ежиков, в губы которых вставлялись игрушечные сигареты. При поднесении к ним горящей спички сигареты начинали тлеть и пускать дым кольцами. Толи

от волнения за оказанное доверие, толи еще от чего, но хорошей стрельбы у меня в этот раз не получилось. Не помню, чтобы кто-то упрекал меня за это, но я очень переживал.

О добытом в тире мы говорили: «выстрелил». Если купил скрученную бумажку в развернутой на боковой стороне вагончика лотереи и при вскрытии обнаружил на ней номер, соответствующий номеру на одном из призов, выставленных на витрине, то так и говорили: «выиграл в лотерею».

Были еще и такие, где надо попасть теннисным шариком в небольшую пластмассовую воронку, которая качается на витой проволочной спирали, надетой на горлышко бутылки с вином, шнапсом или другим напитком. Круглая ступенчатая платформа сплошь заставлена бутылками, и, казалось, трудно промахнуться – не в одну, так в другую попадешь. Так бы и было, кабы воронки не пружинили, а шарик не отскакивал. Никогда не выиграешь то, во что метил. Только в результате случайных отскоков шарик на излете, потеряв кинетическую энергию, мог попасть в какую-нибудь воронку, но это редко.

Всего вряд ли можно перечислить, но неизменно всегда на краю площади на мангалах жарили сосиски и продавали их на бумажных тарелках, обильно смазывая горчицей.

Самое замечательное то, что площадь находилась в одном квартале от того места, где мы жили. Поэтому ни одно мероприятие на ней не могло пройти нами не замеченным.

Город был построен так, что юго-восточная его часть опиралась на озеро, а его центр словно подкова обрамляли скверы, густо посаженные вековыми деревьями, в значительной части дубами. В северо-западной части скверы переходили в длинный зеленый вал, состоящий во всю длину из нескольких параллельно вырытых оврагов. Он так и назывался «Зеленый вал». В средние века эти фортификационные сооружения служили для защиты от неприятеля.

Карл-Либкнехт штрассе, на которой мы жили, идущая от озера до Карл-Маркс штрассе, была частью зеленой подковы скверов.

Осенью в ознаменование начала учебного года нам первым делом давали задание собирать желуди и сдавать на приемный пункт в школе. Минимальную норму я не помню, но носили сумками килограммов по 5, если не больше. Собирали в скверах, лесах, на зеленом валу. В танковых полках были подсобные хозяйства, там держали свиней, а желуди – для них самая лучшая еда. Их выкармливали, сдавали на мясокомбинат, на счет воинской части поступали деньги, а уже за эти деньги закупились необходимые продукты для усиления питания солдат дополнительно к норме их довольствия.

Немцы в это время также открывали пункты сбора желудей, дубов было много – и желудей на всех хватало.

Также под сезон созревания ягод открывались пункты их приема. Принималось по цене выше, чем продавалось в магазинах, остальное датировало государство. В основном это была черника, ее в лесах было много, и собирать ее, как мне казалось, было не так трудно. Я легко набирал двухлитровый бидон и еще столько же отправлял в рот, приезжая домой с черным языком и такими же губами. Взрослые работали по-крупному и привозили по ведру. После этого мама неизменно делала вареники с черникой.

Мне могут возразить, что бидон бывает трехлитровый. У нас да, а у немцев по-другому, они люди экономные. У них и цены в магазинах на развесной товар были проставлены не за килограмм, как у нас, а за полкилограмма. С этим же бидончиком мы ходили и за молоком. Два литра молока стоили одну марку тридцать шесть пфенингов. Хлеб стоил пятьдесят пфенингов. Выпекали его в магазине через дорогу, можно было взять прямо из печи. Назывался он межброд, поскольку был смешан из ржаной и пшеничной муки.

Жвачку можно было купить в любом киоске. Мороженое продавали на развес, раскладывая его в вафельные чашечки. Если два шарика – давали в одной чашечке и в придачу пластмассовую лопатку со сказочным человечком на конце ручки. Если берешь три шарика, то накры-

вали еще одной чашечкой и никакой лопатки не давали. В этот момент всегда вспоминался наш пломбир или даже сливочное, которые были вне всякой конкуренции.

Остальные продукты покупали в военторге, поскольку советские продукты очень сильно отличались от немецких в лучшую сторону.

Немцы охотно ходили в наш магазин. Они в большинстве своем неплохо говорили по-русски – особенно те, кто по своей деятельности общались с нами. За исключением Шмидта, у которого перед Новым годом покупали пиротехнику. Он торговал в основном сувенирами, нарочито не выказывал, что хоть немного понимает по-русски и, похоже, был просто большим шутником.

– Покажите, пожалуйста, вон тот подсвечник.

К слову говоря, подсвечники и все, что олицетворяло старину, в то время были не в моде. Родители купили за небольшие деньги с рук пианино, чтобы учить музыке мою сестру. Это был очень качественный немецкий инструмент девятнадцатого века, на передней панели были два старинных бронзовых подсвечника. Эти приспособления были немедленно удалены, вызван мастер, чтобы профессионально заделать образовавшиеся отверстия и заполировать их. Сейчас за этот раритет отдали бы немалые деньги.

Однако вернемся к нашему Шмидту.

– Diese?, – говорил он и показывал пальцем совсем на другое.

– Нет, вон тот, – покупатель тоже указывал пальцем.

Тогда он подносил свой палец к пальцу покупателя и вел от него по воздуху, но прикасался опять не к тому, чем заинтересовался покупатель, а к рядом стоящему предмету. Две, три попытки – и он все же находил нужную покупателю вещь.

У меня как память до сих пор хранится бинокль, купленный у него.

Магазины, парикмахерские, фотоателье и другие заведения обслуживания были частными, и характерные особенности их – это внимательность и некоторая назойливость персонала. Войти в магазин, чтобы «продать глаза», было почти невозможно, к тебе тут же обращались, за исключением тех случаев, когда продавец был занят другим покупателем. Если заинтересовавшая тебя вещь не подходила по размеру или по другой причине, то до бесконечности были готовы предлагать различные варианты. Тогда это для нас было непривычно, как и то, что забытый в магазине кошелек, спохватившись на следующий день или позже, можно было обнаружить в том же магазине на самом видном месте.

Постригшись в парикмахерской, я вышел на улицу и, проходя мимо витрины, рукой провел по волосам. Не успев пройти и десяти метров, был схвачен за руку. Парикмахер, произнося какие-то слова, снова затащил меня, усадил в кресло, причесал, что-то сказал и показал жестом, чтобы я больше не портил его работу. Далее было еще интереснее. Когда я снова вышел на улицу и прошел уже метров двадцать, передо мной на тротуаре лежал бумажник. Я его поднял, он был туго набит деньгами. Никого поблизости не было. Тут же я положил его на прежнее место и пошел дальше, понимая, что хозяин хватится и вернется за ним.

Десять лет спустя я получил алаверды. Из-за погодных условий вместо Кишинева пришлось приземлиться в Симферополе и провести ночь в кресле аэропорта. Бумажник был в заднем кармане брюк, кресло было «ракушка», т.е. с прорезью в нижней части спинки. Бумажник вывалился на пол. Я спал, когда меня разбудил проходящий мимо пассажир и указал на мою потерю. Но все-таки за свою халатность я должен был как-то расплатиться – пошел в телефонную будку, чтобы позвонить, и оставил там перчатки. Когда вспомнил и вернулся – их там уже не было.

Брать чужое к добру не приводит, а в Германии это считалось самым позорным делом. Хотя для чего-то на всех велосипедах висели замки, чего у нас в Союзе тогда не было. Велосипеды были почти у каждого. У магазинов или других заведений обязательно была стойка для велосипедов, к которой их пристегивали. Если оставишь велосипед не в стойке, а в другом

месте, то в большинстве случаев через некоторое время его там не найдешь. Однако адрес, где его искать, был известен – в полиции. Там же все велосипеды, как машины и мотоциклы, регистрировались с присвоением им государственных номеров. Полицейские были в авторитете. Не знаю как насчет уважения, но их слушались.

Велосипед тогда был чуть ли не основным средством передвижения. На большинстве, казалось бы, и так нешироких городских улицах, с обеих сторон дороги были отдельно вымощены более мелким камнем велосипедные дорожки. Будничный вид города представлялся таким: единичное движение автомобилей и велосипедистов, небольшое количество прохожих, среди которых часто выделялись люди, словно сошедшие со страниц сказок Андерсена. Черный костюм, черный цилиндр, небольшая лестница на плече, гиря и шомпол. Костюм обязательно был застегнут на все пуговицы. Дань ли это немецкой традиции, но то, что эта профессия была в то время одной из важнейших и востребованных, – несомненно. Все дома центральной части города были построены много веков назад и имели печное отопление. Печи и камин топили брикетами из бурого угля. Продолговатые с гладкой и блестящей поверхностью они почти не оставляли на руках черных следов. Чтобы их разжечь, достаточно было скомкать газету, подложить под брикеты и поднести спичку.

Наша квартира находилась в двухэтажном здании на втором этаже и имела два входа из помещений первого этажа, т.е. две лестничные клетки вместе с подлестничным пространством были частью квартиры. В одно из этих подлестничных пространств мы складировали брикеты, натаскивая их ведрами из цокольного этажа рядом расположенного штаба дивизии, где была оборудована кочегарка. Топка печи не представляла большого труда, грязи от нее никакой не было, если не считать постоянно стоящего у ее дверцы ведра с брикетами, щипцов, совка и кочерги.

Однажды пришлось печь частично перекладывать и менять облицовочную плитку, для чего был приглашен немец-печник. Первым делом он перестроил наш радиоприемник с Московской радиостанции на свою волну. Работал очень аккуратно, не давая распространиться пыли и мусору далее своей зоны труда, без конца заматывая и делая влажную уборку вокруг своего рабочего места. Мне настолько тогда доставило удовольствие наблюдать за его работой, что до сих пор стараюсь следовать его примеру. Печки, правда, я никогда не выкладывал, но это неважно. А у той печки любил греться с книжкой в руках.

После представления вида города в будни напрашивается и его описание в выходные дни. Здесь все еще проще. В выходные он почти вымирал, никто не суетился, не ходил по магазинам.

Летом берега озер расцветали палатками, а сами озера – парусами яхт. Несколько озер соединялись в одно целое посредством шлюзов. На рейсовых теплоходах можно было отправиться через одно, два или три озера в любую понравившуюся зону отдыха.

Однако основное время, несомненно, тратилось на дела согласно с профессией и возрастом. Взрослые занимались своей профессиональной деятельностью, дети – изучением школьных предметов и развитием через кружки, спортивные секции, художественную самодеятельность. И если о кружках и спортивных секциях в тогдашнем понимании сегодня еще что-то слышат, а иногда и видят, то о последнем уже почти не помнят.

В ГСВГ художественной самодеятельности уделяли особое внимание, в нее были вовлечены многие: от солдат до офицеров с их женами и детьми. Проводились полковые смотры, победители выдвигались на дивизионный смотр, а победители дивизионного смотра ехали на армейский смотр. Я мог бы продолжить и далее, но как участник доходил только до армейского смотра художественной самодеятельности и то только один раз. Возили нас в Фюстенберг, где тогда располагался штаб второй танковой армии. Мы с моим напарником Чичеватовым дуэтом пели песню «То березка, то рябина». Концерт я смотрел из-за кулис, поскольку зал был переполнен, а потом, когда надо было уже быть в автобусе, – оказался в буфете, и меня искали.

Через некоторое время нашу дивизию передали в третью танковую армию, штаб которой находился в городе Магдебург. Однако к тому времени мои вокальные таланты естественным образом закончились из-за ломки голоса. Правда я учился играть на баяне. Для этого в Доме офицеров брал уроки у баяниста Валентина Ваганова. Он был профессиональным музыкантом, выучил меня нотной грамоте и задавал на дом разучивать по нотам разные произведения. Через год или полтора я уже играл множество, в том числе и достаточно сложных вещей, но начисто был лишен, как сейчас бы сказали, импровизационного таланта. А по-русски – не был слушателем. А по сему в этом качестве не стремился к успеху.

Кроме того, к Дню Победы, к годовщине Великого Октября и к Международному женскому дню готовились концерты. Но сначала была торжественная часть, где произносился доклад, в торжественной обстановке награждались отличившиеся, а затем в зрительный зал Дома офицеров входили пионеры. Впереди Знамя пионерской организации, горнисты и барабанщики. Пионеры выстраивались на сцене перед столом президиума собрания и произносили поздравления, поочередно передавая слово друг другу. Это называлось «монтаж». Прошло уже более полувека, а я помню свои слова, которые произносил, поздравляя женщин с Международным женским днем. Мои коллеги-пионеры со сцены развивали тему, как важен домашний труд женщин и как справляются с ним мужчины 8 Марта. Очередь говорить мне;

– Пока жарились котлеты, суп с кастрюли убежал...

Тут в зале поднялся смех.

– И увидев папа это, сразу в обморок упал.

Я был плохим артистом, не знал, что надо было выдержать паузу – и, по-моему, последняя строка произносимого мной стихотворения утонула в этом хохоте.

Все барабаны, горны и Знамя пионерской организации закрепили за каждым, кто не успел сбежать, чтобы те утром сдали их в школьную пионерскую комнату. Мне вручили барабан. Однако тот, кому досталось Знамя, попросил меня с ним поменяться. Поскольку я никогда не горел желанием быть барабанщиком, согласился и после концерта свернул Знамя и через весь город пошел с ним домой. К тому же мне доставило немалое удовольствие, а вернее вызвало гордость, что Знамя какое-то время находилось у меня дома. Я его воспринимал как частицу боевых Знамен воинских частей.

Школа состояла из двух рядом стоящих двухэтажных зданий. Главное здание и дополнительное, поменьше, где было только несколько классных комнат.

Главное здание имело два крыла. Посередине на первом этаже располагался спортивный зал, перейти в правое крыло можно было только через него. Сразу за спортивным залом находился буфет.

Учителями работали частью жены офицеров, имеющие педагогическое образование, а также вольнонаемные педагоги, оформленные через военкоматы своих городов. С огромным уважением вспоминаю о них.

Также в школе работали две немецкие женщины, одна из которых подавала звонки и натирала полотером паркетные полы в классах и коридорах. В обязанности дежурных по классам входило только подмести мусор после окончания уроков. Другая женщина работала буфетчицей. Обе понимали по-русски, однако поначалу в буфете мне никак не удавалось купить бутерброд с колбасой. Раза два или три вместо этого она продавала мне бутерброд с маслом. Я стеснялся возразить и брал, что дают. Затем до меня дошло: бутерброд – это уже по-немецки означает масло с хлебом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.